

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4, № 3. С. 178–195.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2021. Vol. 4, no. 3. P. 178–195.

Научная статья / Original article

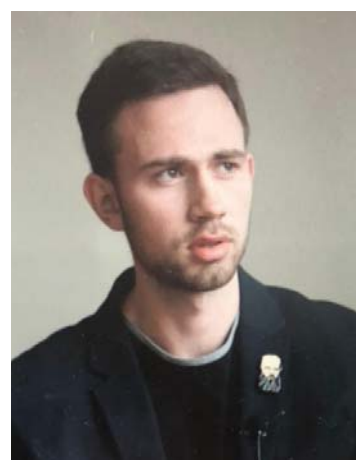
УДК 17.023.36

doi:10.17323/2658-5413-2021-4-3-178-195

«АВТОРСКАЯ КНИГА»: РАЗМЫШЛЕНИЯ Я. Э. ГОЛОСОВКЕРА О ДОСТОЕВСКОМ И КАНТЕ

Даниил Антонович Морозов

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия,
dmorozov@hse.ru

 Аннотация. Автор статьи обращается к книге Я. Э. Голосовкера «Достоевский и Кант». В рамках ответа на вопрос, «как читал Достоевский Канта», Голосовкер предпринимает ряд оригинальных и дискуссионных интеллектуальных ходов с опорой на тексты «Братьев Карамазовых» и «Критики чистого разума». Он разрабатывает персонифицированную философию и предлагает особое понимание антиномизма. Разгадывая «секрет автора» (Достоевского), Голосовкер создает собственную «авторскую книгу». В ней он зашифровывает свой философский проект, ни разу прямо не отсылая к нему. Задача статьи состоит в расшифровке «авторской книги». Такая работа еще не проводилась в исследовательской литературе. Центральным сюжетом становится противостояние *imaginatio* и *ratio*, получившее обоснование в имажинативной философии Голосовкера. Отдельно рассмотрено отношение к образу схематизированного, «отвлеченного» Канта. Тема противостояния философии-как-искусства и философии-как-науки выводит на проблематику судьбы философии и звучит

© Морозов Д. А., 2021

актуально в современном интеллектуальном пространстве. В статье подчеркивается, что наследие Якова Эммануиловича не нашло своего места в истории русской философии. Автор показывает встроенность Голосовкера в русскую интеллектуальную традицию, но также и его отличие от «русской религиозной метафизики». Статья подготовлена в рамках продолжающегося исследования по реконструкции и осмыслению философского наследия Голосовкера.

Ключевые слова: Голосовкер, Кант, Достоевский, имагинация, ratio, антиномизм, русская философия

Благодарности: Статья подготовлена в ходе работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: Морозов Д. А. «Авторская книга»: размышления Я. Э. Голосовкера о Достоевском и Канте // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4, № 3. С. 178–195.
<https://doi.org/10.17323/2658-5413-2021-4-3-178-195>.

Literature. Philosophy. Religion

“THE AUTHOR’S BOOK”:
REFLECTIONS OF YA. E. GOLOSOVKER ON DOSTOEVSKY AND KANT

Daniil A. Morozov

National Research University “Higher School of Economics”,
Moscow, Russia, dmorozov@hse.ru

Abstract. The author of the article appeals to the book written by Ya. E. Golosovker “Dostoevsky and Kant”. Answering the question “how did Dostoevsky read Kant”, Golosovker undertakes a number of original and debatable intellectual moves based on the novel “The Brothers Karamazov” and “The Critique of Pure Reason”. He develops a personalized philosophy and offers a special understanding of antinomianism. Solving the “secret of the author” (Dostoevsky), Golosovker creates his own “author’s book”. In the book he encrypts his own philosophical project, never directly referring to it. The task of the article is to decipher the “author’s book”, such work

has not yet been undertaken in the research literature. The central theme in the interpretation is the confrontation between *imaginatio* and *ratio*, which received its conceptualization in the project of imaginative philosophy. The attitude to the schematized, abstract image of Kant is considered separately. The theme of the confrontation between philosophy-as-art and philosophy-as-science leads to the problem of the philosophy's fate and sounds relevant in the modern intellectual space. The article stresses that the legacy of Golosovker has not yet found its place in the history of Russian philosophy. The author shows not only the inclusion of Golosovker in the Russian intellectual tradition, but also his difference from "Russian religious metaphysics". The article is prepared as a part of the ongoing study on the reconstruction and conceptualization of the philosophical heritage of Golosovker.

Keywords: Golosovker, Dostoevsky, Kant, *imaginatio*, *ratio*, antinomianism, Russian philosophy

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University "Higher School of Economics" (HSE University).

For citation: Morozov, D.A. (2021) "The Author's Book": Reflections of Ya.E. Golosovker on Dostoevsky and Kant', *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 4(3), pp. 178–195. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2021-4-3-178-195.

Яков Эммануилович Голосовкер (1890–1967) часто называл себя «одним мыслителем» и «философом-систематиком». При жизни он опубликовал не так много работ, основное философское произведение «Имагинативный абсолюте» вышло в свет лишь через 20 с лишним лет после смерти автора — в 1987 году. Творческая судьба, в которой любовь к античной Элладе и немецкому романтизму соединились с обстоятельствами XX века, представит особой страницей в истории отечественной мысли. В 1963 году (за четыре года до смерти) публикация небольшой книги «Достоевский и Кант» стала настоящим философским событием [Голосовкер, 1963]. Предложенный в книге анализ Голосовкер развивал еще с конца 1910-х годов, однако возможность знакомства читателей с его идеями казалась почти неосуществимой. Н. К. Гудзий внес существенный вклад в публикацию этой работы в издательстве Академии наук СССР и написал небольшое предисловие к тексту. Оригинальный подход Голосовкера способствовал тому, что книга оказала интеллектуальное

влияние. К примеру, Е. Б. Рашковский и М. А. Сиверцев в совместной статье вспоминают о том, как работа поразила их сочетанием «глубины научно-философских познаний и внутренней окрыленности», внутренней свободы [Рашковский, Сиверцев, 2017, с. 213]. Схожие отзывы можно встретить в воспоминаниях современников. Работа Голосовкера впоследствии привлекла внимание и иностранных авторов [Fleischhauer, 1979].

К сожалению, фигура Голосовкера действительно еще не нашла своего места в истории русской философии, несмотря на его оригинальное *философское* наследие — особую философию культуры, сформулированную в сложном историческом контексте XX века. Задача настоящей статьи — проследить, как Голосовкер в книге о Канте и Достоевском реализует собственные философские установки. Работа осуществляется в рамках более масштабного исследования по реконструкции и осмыслению его проекта имажинативной философии [Морозов, 2020; 2021]. Голосовкер неоднократно обращался к понятию «авторская книга», на чем акцентирует внимание Н. В. Брагинская [Брагинская, 2017, с. 81–83], внесшая огромный вклад в публикацию его работ и их осмысление. Под «авторством» понимается «творческая воля везде, где ей дано проявиться» [там же, с. 81].

Голосовкер часто осуществлял творческое достраивание оригинала при переводе. Его конфликты с редакторами во многом обусловлены этим стремлением. Комментируя перевод «Так говорил Заратустра» в исполнении Голосовкера, Е. В. Ознобкина отмечает творческое воссоздание оригинала, в результате чего возникает самостоятельное произведение, которому не нужен не только редактор, но *даже* оригинал [Ознобкина, 2017, с. 231]. Идею творческого достраивания по законам «логики воображения» можно назвать лейтмотивом его разносторонней деятельности и реализацией философского проекта. В рамках интеллектуальной истории этот лейтмотив придает уникальность многосторонней деятельности Якова Эммануиловича. С. О. Шмидт упоминает намерение Голосовкера в 1940-е годы создать книгу «Секрет Автора», «которая должна была состоять из четырех разделов, а по существу самостоятельных произведений» [Шмидт, 2017, с. 48]. Этот замысел не был полностью реализован, однако, согласно плану, первая часть называлась «Секрет смысла или секрет чёрта (Достоевский и Кант)». Понятие «авторская книга» приобретает двойной смысл: разгадывая секрет автора (Достоевского), Голосовкер предлагает читателю оригинальное произведение, в котором творчески реализованы его собственные философские установки.

Попытка лишь историко-философского анализа его размышлений заранее окажется неудачной, так как мыслитель не ограничивает себя историей фило-

софии. Такая попытка указала бы на некоторую неточность, непоследовательность автора, что будет отражено в ходе настоящего исследования. Голосовкер ставит другие задачи, и в результате его работа оказывается философски неожиданной. Полное название его книги — «Достоевский и Кант. Размышления читателя над романом “Братья Карамазовы” и трактатом Канта “Критика чистого разума”». Голосовкер стремится выстроить *скрытый* диалог между Кантом и Достоевским, не выходя за пределы текстов «Братьев Карамазовых» и «Критики чистого разума». В своем предисловии Н. К. Гудзий представляет автора как «расшифровщика» романа Достоевского [Гудзий, 1963, с. 3]. Голосовкер использует философский прием поиска скрытого («авторского») плана и сочетания его с «читательским» (явным) планом. Тема «авторской тайны» неоднократно повторяется в книге о Канте и Достоевском.

Дискуссионность и оригинальность предложенного им интеллектуального этюда вызывают большой интерес. Задача нашей статьи усложняется тем, что Голосовкер в ходе размышления эксплицитно не обращается к лейтмотивам своей мысли: воображению, имагинативному реализму, высшему инстинкту культуры. Тем не менее далее будет предпринята попытка проанализировать «авторскую книгу» как реализацию его философского проекта. В исследовательской литературе подобная работа еще не проводилась. Полагаю, что этот опыт позволит осмыслить с новой стороны оригинальное философское наследие Голосовкера.

Центральный вопрос, который ставит Голосовкер, таков: как читал Канта Достоевский? Положительный ответ на вопрос, читал ли вообще Достоевский «Критику чистого разума», кажется Голосовкеру очевидным, хотя имя Канта ни разу не встречается на страницах романа. Сравнение двух текстов «не оставляет сомнения» [Голосовкер, 2010, с. 378], однако он ссылается на известное письмо Достоевского брату от 22 февраля 1854 года с просьбой прислать ему «Критику чистого разума», Гегеля, Ранке и других мыслителей, «с этим моя будущность связана». После прочитанного мной доклада о персонифицированной философии в романе «Братья Карамазовы» на конференции «Федор Михайлович Достоевский и европейская культура. К 200-летию великого русского писателя» М. С. Киселева добавила интересную деталь. В комментариях к письмам Достоевского открывается продолжение этой истории: чиновник, получивший посылку с книгами, «убоялся сношений с политическим преступником» и отказался от нее, в результате чего книги не дошли до Достоевского [Достоевский, 1972–1990, т. 28, кн. 2, с. 460]. Однако этот исторический факт не подрывает интерпретацию Голосовкера, так как он опирается в первую очередь на сравнение двух конкретных текстов, которое «не оставляет сомнения».

В своей книге Голосовкер развивает философскую аргументацию с опорой на подробный текстологический анализ. Воспроизведение множества затронутых им сюжетов не является задачей статьи, необходимо сосредоточиться на ключевых ходах мысли. Голосовкер апеллирует к антиномиям, предложенным Кантом в «Критике чистого разума», и переводит их на язык морали и религии [Голосовкер, 2010, с. 336]. Противопоставление тезиса и антитезиса рассматривается мыслителем как столкновение догматизма, предполагающего веру в свободу воли, бессмертие души, Бога, и эмпиризма, который их отрицает. Примечательно, что основное внимание уделено третьей и четвертой антиномиям, посвященным свободной причинности и безусловно необходимой сущности.

Тема догматизма и эмпиризма действительно затрагивается Кантом в разделе об антиномиях. Голосовкер работает с «Критикой чистого разума», хотя и не так часто на нее ссылается. Текстологический анализ «одного мыслителя» ориентирован в первую очередь на роман Достоевского. Стоит привести кантовскую цитату, в которой подчеркивается практический интерес в столкновении изначально теоретических — космологических идей разума: «Если не существует первосущности, отличной от мира <...>, если наша воля не свободна и душа так же делима и брэнна, как и материя, то моральные идеи и принципы также теряют всякую значимость <...>» [Кант, 1994, с. 367–368]. Цитата из статьи Ивана Карамазова, о которой идет речь в главе «Семинарист-карьерист», звучит парафразом Канта: «Нет бессмертия души, так нет и добродетели, значит, всё позволено» [Достоевский, 1972–1990, т. 14, с. 76]. Обращая внимание на подобные пересечения, Голосовкер отвечает на поставленный вопрос: как читал Канта Достоевский? К примеру, четвертая антиномия разворачивается в главе «За коньячком», где Федор Павлович последовательно спрашивает Ивана и Алешу о том, есть ли Бог, бессмертие, и получает в роли теоретического кантовского разума противоположные ответы — ситуация антиномии [там же, с. 123–124]. Интерпретация Голосовкера не ограничивается противопоставлением догматизма и эмпиризма, «морализма» и «атеизма».

Голосовкер меняет известную цитату из романа на свой вариант: «Тут Тезис с Антитезисом борется, а поле битвы — роман Достоевского» [Голосовкер, 2010, с. 367]. Он предлагает вариант персонифицированной философии. Так, Ракитин и Смердяков становятся яркими представителями антитезиса, а Алеша — тезиса. Одним из главных персонажей интерпретации является чёрт, который убил Федора Павловича. Голосовкер доказывает его виновность, используя множество примеров из текста. Фигура чёрта появляется в ключевые моменты. К примеру, в главе «Третье мытарство» Митя восклицает: «Ну,

в таком случае отца чёрт убил!» [Достоевский, 1972–1990, т. 14, с. 428]. В уже упомянутой главе «За коньячком» диалог Федора Павловича с сыновьями завершается тем, что он спрашивает: «Кто же смеется над людьми, Иван?» [там же, с. 124]. Иван указывает на чёрта — главного представителя антитезиса, по мнению Голосовкера.

Особое положение занимает Иван Карамазов — «диалектический герой Кантовых антиномий» [Голосовкер, 2010, с. 332]. Иван, раскачиваясь на «коромыслах» антиномий, выступает в роли теоретического разума, который хочет разрешить противоречие. Голосовкер неоднократно подчеркивает его статус «мыслителя-теоретика». Нельзя забывать и о кошмаре Ивана, именно ему является чёрт и рассуждает о «философиях» [Достоевский, 1972–1990, т. 15, с. 75–81]. Неспособность *теоретически* разрешить антиномии приводит его к безумию. Голосовкер ассоциирует кантовский антитезис (эмпиризм, атеистическую научность) с убийцей (чёртом) — реальным персонажем в романе, чей лозунг звучит «Всё дозволено, и шабаш» [там же, с. 84]. Положение самого Канта в данной интерпретации проблематично.

Голосовкер изначально интерпретировал Достоевского как представителя кантовского тезиса (догматизм, Бог и бессмертие есть), выступающего против кантовского же антитезиса (эмпиризм, Бога и бессмертия нет), а в итоге получил противопоставление Достоевского и Канта. В чем заключается противопоставление? «Чёрт-критик» (антитезис) становится олицетворением всей *теоретической* философии: «Это сплошная карикатура на философию — на Декарта, Канта, Фихте, Гегеля. Их имена затушеваны. Всё прикрыто одним словом “наука”, которой вооружен человеко-бог — абсолютный атеист» [Голосовкер, 2010, с. 371]. Важно, что сам Кант не был сторонником «эмпиризма» (антитезиса): в «Критике чистого разума» он предложил разрешение космологических антиномий. Последовательность аргументации Голосовкера проблематична. От обвинения чёрта в убийстве Федора Павловича он приходит к «чёрту-Канту» и отвлеченной науке.

Персонифицированная философия, представленная в интерпретации Голосовкера, не сводится к тому, что Достоевский-тезис выступает против Канта-антитезиса. В своих романах писатель не просто сражается против антитезиса, «убивая» его носителей — конкретных персонажей. Голосовкер отмечает, что от Тезиса пострадал, к примеру, князь Мышкин (Тезис «довел его до безумия») [там же, с. 368]. Скрытый и главный конфликт между Кантом и Достоевским разворачивается на другом уровне. Ключевая идея Достоевского, по мнению Голосовкера, раскрывается в постоянной борьбе (вечном поединке) Тезиса и Антитезиса, которая демонстрируется [там же, с. 369] на примере Мити с его

монологом в главе «Исповедь горячего сердца. В стихах»: «Тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут» [Достоевский, 1972–1990, т. 14, с. 100]. Осуществленное противоречие в такой интерпретации оказывается основой романа «Братья Карамазовы». Следует отметить, что оно осуществляется не *теоретически* — Митя признается в своей «необразованности». Здесь важна исповедь «горячего сердца», спасение в красоте (сочетание идеала Мадонны и содомского), а не высказывание «холодного разума». Теоретического решения, подобно Канту, искал Иван Карамазов, раскачиваясь на «коромыслах» антиномий, что привело его к безумию. «Кант-чёрт» (символ отвлеченной философии) становится противником «Достоевского» (и скрытого за ним интерпретатора Голосовкера), потому что выбирает теоретический путь разрешения антиномий. Чем он не устраивает Голосовкера?

Сама ситуация антиномии в «Критике чистого разума» обусловлена тем, что основоположения рассудка, которые применимы лишь к предметам опыта, распространяются за его пределы, в результате чего возникают естественные иллюзии разума [Кант, 1994, с. 385]. Голосовкер не рассматривает то, как Кант разрешает все четыре антиномии, хотя этому посвящен раздел в «Критике» [там же, с. 386–393], а естественную иллюзию разума называет «лукавой». Следует предположить, что Голосовкера не интересовала сама возможность гносеологического разрешения. Центральная идея его интерпретации — осуществленное противоречие, состояние антиномизма как постоянной борьбы: «Суть в битве, а не в победе той или другой стороны, суть в вечной титаномании» [Голосовкер, 2010, с. 369]. Диалектическая процессуальная борьба Тезиса и Антитезиса в романе «Братья Карамазовы» противопоставляется теоретическому «формально-логическому» решению Канта. Голосовкер довольно схематично воспроизводит «Критику». Ее автор становится символом отвлеченного теоретизирования, холодного формально-логического подхода. Именно здесь проявляются основания философского проекта самого Голосовкера. Теперь перейдем к расшифровке его «авторской книги».

В своем главном философском трактате «Имагинативный абсолют» Голосовкер предложил проект, в котором центральное место занимает «высший инстинкт культуры», живущий в воображении человека. Создается иерархия инстинктов, предполагающая деление на низшие и высшие. К низшим относятся вегетативный и сексуальный. Низшие инстинкты олицетворяют временность и изменчивость, которой пронизана окружающая человека природная действительность. Имагинативный абсолют дает людям то, «во имя чего» — готовность даже умереть, чтобы жить дальше в воплощениях культу-

ры: «Имагинация сильнее чувства самосохранения» [там же, с. 38]. Для человека важно зафиксировать момент пика, наивысшего расцвета чего-либо: если красота — то абсолютная. Он развивает концепцию «имагинативного реализма»: попав в имагинативную реальность, ваза вечно разбивается Мышкиным, а Борис Годунов Пушкина умирает каждый раз заново. Для Голосовкера, к примеру, Брут Шекспира *реальнее* исторического Брута [там же, с. 54]. Достоевский и Пушкин как носители имагинативного абсолюта создают этизированную реальность культуры, увековечивая временное и мимолетное. Итак, стремление к вечности и бессмертию реализуется высшим инстинктом — творцом культуры.

Понятие «имагинативный абсолют» оказывается перегруженным. Голосовкер называет его «интуицией», «разумом воображения», «высшим инстинктом». Фиксируя кризис культуры, он указывает на враждебное имагинативному абсолюту начало. Появляется противопоставление живого разума воображения (*imaginatio*) и отвлеченного опосредованного разума (*ratio*). В трактате Голосовкер неоднократно возвращается к теме *imaginatio — ratio*. Продукт *ratio* — отвлеченные идеи и «результат обобщения представлений, произведенный механизмом рассудка», а имагинативного абсолюта — «смыслообразы» [там же, с. 175]. Смыслообраз — не статичное понятие, а конкретный образ совершенства, который *динамически* живет в культуре. Принципиальное значение имеет то, что в жизни культуры всегда заложено *моральное* измерение. Так Иуда становится конкретным символом абсолютного предательства в культуре, а Геракл — силы [там же, с. 40]. Согласно Голосовкеру, существуют две логики: формальная, отвлеченная (*ratio*) и диалектическая, конкретная (*imaginatio*). Разработке последней во многом и посвящен трактат «Имагинативный абсолют».

Голосовкер предложил свой вариант истории философии, в которой выделил два потока: философия-как-наука и философия-как-искусство. Первая движима *ratio*, вторая — *imaginatio*. Линия философия-как-искусства, к которой себя причислял Голосовкер вместе с Платоном, Ницше, Бергсоном, стремится преодолеть схоластичность и отвлеченность, к которым тяготеет философия-как-наука в лице Декарта, Гегеля, Фихте и т. д. В трактате «Интересное» Голосовкер утверждает, что «сейчас» во всем мире философию захотели сделать наукой: «Ее скука для нас смертельна <...>. За спиной этой философии-науки стоят роботы, вооруженные механизмом логики» [там же, с. 244]. Если культура существует в нравственном измерении (философская аксиома его проекта), то «мертвое» *ratio*, напротив, слепо к морали, а значит, и к культуре, имагинативной реальности. Там же он подчеркивает особый статус русской филосо-

фии: она является философией-как-искусство. Решающим становится вопрос о том, в какой поток попадает Кант?

В «Имагинативном абсолюте» Кант не просто отнесен к потоку философия-как-наука. Голосовкер пишет: «Сюда же особняком входит монструозный Кант» [там же, с. 94]. Это действительно удивляет. Н. В. Брагинская замечает: «Поразительно в этом ряду наличие Канта как антиимагинативиста <...>» [Брагинская, 2017, с. 103]. Голосовкер переводит космологические антиномии на язык морали и религии, в итоге получая выход на проблемы бессмертия и существования Бога. Отказываясь от «формально-логического» разрешения антиномий в «Критике чистого разума», он полностью отрицает и моральную философию Канта с его «леденящим живую душу» категорическим императивом: «Это — совесть устава, субординации и порядка, но не живого чувства» [Голосовкер, 2010, с. 379]. Согласно Голосовкеру, моральное измерение всегда соотнесено с культурой, живым *imaginatio*, а любая попытка «формально-логического» вмешательства в эту сферу является противоестественной. Итак, метафизика нравственности Канта попадает в сферу формально-логического.

Ни в одной из своих работ Голосовкер не обращается к «Критике способности суждения», хотя третья «Критика» прямо соотносится с проблематикой его имагинативного проекта. Третья «Критика» во многом определила эстетическую теорию Шиллера и раннего Шеллинга, повлияла на становление немецкого романтизма с его вниманием к воображению, возвышенному и гению. Примечательно, что Шеллинг попадает в поток философия-как-искусство, а немецкий романтизм был постоянным источником вдохновения Голосовкера. Можно говорить, что мыслитель обращается к *схематизированному* образу Канта, полностью игнорируя ряд сюжетов мысли последнего. Голосовкер игнорирует и то, что Кант разделяет формальную и трансцендентальную логики, его «Критика» основана на последней.

За интерпретацией Голосовкера в книге «Достоевский и Кант» кроется противопоставление *imaginatio* и *ratio*, хотя об имагинативности ничего открыто не сказано. Представитель философии-как-искусства, Достоевский выступает против «Канта-чёрта», представителя отвлеченной, наукообразной философии. К науке как к одной из сфер культуры (такой же, как искусство) Голосовкер не относится критически, хотя и указывает на ее амбиции занять первостепенное положение в культуре. Процесс превращения философии в науку вызывает у него критику (пример с понятием Фихте): «Самое страшное слово, сказанное когда-либо в философии, было слово “наукоучение” — самоубийственное слово» [там же, с. 49]. По его мнению, философия, понятая как

искусство мыслить (мыслить диалектично, процессуально), гораздо ближе к искусству, чем к науке с ее формально-логическим и причинно-следственным аппаратом (*ratio*).

Следует напомнить, что в интерпретации Голосовкера центральной идеей романа «Братья Карамазовы» становится состояние антиномизма как постоянной борьбы. Зосима понял «несчастное сознание» Ивана, которому необходимо разрешить противоречие [там же, с. 359]. Символом *осуществленного* противоречия оказывается речь Мити о двух безднах. Интеллектуальный ход Голосовкера заключается в том, чтобы исходя из творения понять логику разума воображения. Формальная логика в лице Канта не выдерживает состояния антиномизма и стремится гносеологически разрешить противоречие. Иван Карамазов, «мыслитель-теоретик», с помощью *ratio* пытался его разрешить, что привело к безумию. Ключевым отличием *imaginatio* является возможность принять противоречие. Таким образом, интерпретация «Братьев Карамазовых» становится важным шагом Голосовкера по разработке и пониманию сущности имагинативного мышления. Его книга — часть масштабного философского проекта. Более того, это выступление против философии-как-науки в лице схематизированного Канта и размышление о судьбе философии. Работа, опубликованная в 1963 году, звучит актуально и в современном интеллектуальном пространстве.

Историко-философский контекст требует особого внимания. В ходе круглого стола, посвященного творчеству Голосовкера (его материалы опубликованы в сборнике серии «Философия России первой половины XX века»), Ю. А. Угольников называет книгу «Достоевский и Кант» «самым включенным в русскую интеллектуальную традицию произведением» [Философия мифа ..., 2017, с. 251]. Действительно, борьба против «мертвого» *ratio*, вторгшегося в философию, проходит лейтмотивом у многих русских мыслителей первой половины XX века. В философском проекте Голосовкера борьба против *ratio* получает собственное обоснование через противопоставление с *imaginatio*. В своем отношении к «монструозному» Канту мыслитель продолжает традицию восприятия немецкого мыслителя, сложившуюся в России. Интересно, что в ранней повести Достоевского «Дядюшкин сон» есть фрагмент, в котором «настоящий немецкий философ Кант» упоминается в ироничном ключе:

Вот у меня Те-рен-тий есть. Ведь ты помнишь, мой друг, Те-рен-тия? Я, как взглянул на него, так и предрек ему с первого раза: быть тебе в швейцарах! Глуп фе-но-менально! смотрит как баран на воду! Но какая са-но-витость, какая торжественность! Кадык такой, светло-розовый! Ну, а — ведь это в белом

галстухе и во всем параде составляет эффект. Я душевно его полюбил. Иной раз смотрю на него и засматриваюсь: решительно диссертацию сочиняет, — такой важный вид! — одним словом, настоящий немецкий философ *Кант* [выделено мной. — Д. М.] или, еще вернее, откормленный жирный индюк. Совершенный *comme il faut* для служащего человека!..

[Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 313]

Голосовкер не проводит параллелей с меоническими пушками Круппа, как это делает Эрн, однако Кант предстает в роли схоластического сторонника формального *ratio* с его «леденящим живую душу» теоретическим разумом и категорическим императивом.

В работе «София и чёрт (Кант перед лицом русской религиозной метафизики)» А. В. Ахутин пишет о «странной идиосинкразии» к кантовскому наследию, которая произошла в России. Обращаясь к творчеству различных отечественных мыслителей XIX и XX веков (и неоднократно апеллируя к Флоренскому), он констатирует: «<...> русского Канта не состоялось» [Ахутин, 2005, с. 450]. Кант часто выступает в роли «великого лукавца», искусителя-врага, чёрта. В заключение Ахутин возвращается к книге Голосовкера и называет ее «наилучшим введением в суть нашей проблемы» [там же, с. 480]. Работа «Достоевский и Кант» встроена в русскую традицию мысли, однако она создана в рамках оригинального философского проекта, на чем Ахутин не акцентирует внимание. Вполне закономерное сравнение с Флоренским, для которого решающую роль играл антиномизм, позволит лучше понять построения Голосовкера.

В книге «Достоевский и Кант» Голосовкер не упоминает ни одного русского философа, что отчасти подчеркивает его самоименование «один мыслитель». В трактате «Имагинативный абсолют» Голосовкер стремится обособить свою мысль и избегает открытых ссылок или упоминаний других авторов, хотя работает с их философскими концептами (в первую очередь с немецкоязычной традицией). Схожая тенденция прослеживается и в возражении против ассоциирования его мысли с немецким романтизмом. Он отказывается от различных «измов» как философских ярлыков. Флоренский в вопросе антиномий ссылается на Канта, но, как и Голосовкер, становится его интеллектуальным противником. Шестое письмо из «Столпа и утверждения истины» помогает обозначить принципиальное различие между двумя мыслителями. Флоренский подчеркивает бессилие человеческого рассудка примирить противоречия и указывает на то, что «жизнь бесконечно полнее рассудочных определений». О Канте он пишет, что его собственные антиномии неудачны, но важно само переживание антиномичности, не характерное для европейской филосо-

фии Нового времени [Флоренский, 1990, с. 159]. Стоит отметить, что в лекции «Космологические антиномии И. Канта» Флоренский более сконцентрирован на историко-философских деталях и учении Канта, чем Голосовкер в своей книге [Флоренский, 1996].

В шестом письме идея антиномичности связывается Флоренским с понятием «тайна». Он цитирует фрагмент из «Подростка» Достоевского: «Всё есть тайна, друг, во всем тайна божия» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 287]. Примечательно, что Голосовкер крайне внимателен к понятиям, используемым в романе «Братья Карамазовы». К примеру, он подробно анализирует словесную пару «секрет» и «тайна» [Голосовкер, 2010, с. 325–329]. Флоренский настаивает на том, что тайна религии, облекаемая в слово, всегда приобретает вид противоречия. Он называет «Послание к римлянам» «разрывной бомбой против рассудка, заряженной антиномиями» [Флоренский, 1990, с. 164]. Односторонний рассудок, неспособный принять всё сразу, впадает в «ересь» (выбор одного из антиномических догматов). Критика человеческой рассудочности соотносится с борьбой Голосовкера против *ratio*. Голосовкер не принимает гносеологического разрешения антиномий Канта, центральная идея Достоевского в его интерпретации заключается в постоянной борьбе (вечном поединке) Тезиса и Антитезиса. Флоренский же пишет: «Тезис и антитезис вместе образуют выражение истины» [там же, с. 147]. Мысль обоих философов созвучна друг другу в переживании антиномизма, в борьбе против рассудочности, однако у них разные основания.

Голосовкер переводит кантовские антиномии на язык морали и религии, но религиозное в его интерпретации уходит на второй план. Для него центральную роль играет не «живой религиозный опыт», не переживание истины, как у Флоренского, а «живое воображение» — разум воображения (*imaginatio*), способный на диалектическое принятие противоречий. Отсюда же исходит незавершенное учение об энигматическом познании, в котором Голосовкер продолжал разработку имагинативного мышления. Оно связано с моральным измерением, так как культура и ее смыслообразы всегда живут в нем. В заключение книги автор акцентирует внимание на моральном измерении в связи с наукой: «Для Достоевского “научность” как одна только формально-логическая постановка вопроса, без участия нравственного переживания, была пустым делом, прикрытием непостижения сути подлинной истины» [Голосовкер, 2010, с. 380–381]. В антиномизме Достоевского ему важен сам антиномизм, при этом аспекты веры и переживания религиозной истины не затрагиваются. Не рассматриваются в его интерпретации и «антиномическое всеединство бытия», проблематика соотношения мира горнего и дольнего. Отличительная

особенность Голосовкера заключается в том, что его нельзя отнести к представителям «русской религиозной философии».

В трактате «Имагинативный абсолют» Голосовкер вовсе отказывается от метафизической постановки вопроса, предполагающей существование потустороннего мира [там же, с. 83–84]. Скорее в его проекте подразумевается обожествление культуры, признание имагинативной реальности в качестве высшей — *realiora*. Для «одного мыслителя» русская философия — особая, так как она является философией-как-искусство, движимой *imaginatio*, а не отвлеченным *ratio* «Канта-чёрта» и философией-как-наукой, чья «скука для нас смертельна». Роман «Братья Карамазовы» становится наглядным примером философии-как-искусства. Соприкасаясь с творениями Достоевского, читатель способен приблизиться к сущности имагинативного мышления, удостовериться в его реальности и понять, чем оно отличается от *ratio*. Эту масштабную интеллектуальную работу провел «расшифровщик» романа Достоевского, ни разу открыто не затронув тему имагинативности.

Итак, расшифровка «авторской книги» дала возможность увидеть, как Голосовкер реализует философские установки имагинативного проекта, обращаясь лишь к тексту «Братьев Карамазовых» и «Критике чистого разума». Трактат «Имагинативный абсолют» будет опубликован через четверть века после смерти автора, но при жизни Голосовкер успел познакомить читателя с разработанной им философской системой, не говоря открыто о ней ни слова. Это замечание актуально не только для книги о Канте и Достоевском, но и для «Сказаний о титанах», что будет показано в других исследованиях автора. Проведенная Голосовкером «зашифровка» собственного проекта требовала интеллектуального мастерства. В книге 1963 года он продемонстрировал и обосновал столкновение *ratio* и *imaginatio*, философии-как-науки и философии-как-искусства. Роман Достоевского с идеей антиномичности становится шагом в постижении сущности особого — имагинативного — мышления, которое творит динамическую реальность культуры, живущую в моральном измерении. Несмотря на свой статус «одного мыслителя», Голосовкер укоренен в русской интеллектуальной традиции с ее отношением к схематизированному, формально-логическому «Канту-чёрту» и с борьбой против «мертвого» *ratio*. Его мысль нельзя отнести к «русской религиозной метафизике», однако книга о Достоевском и Канте может быть понята как размышление о судьбе и статусе «особой» русской философии.

Список источников

Ахутин А. В. София и черт (Кант перед лицом русской религиозной метафизики) // Ахутин А. В. Поворотные времена. СПб.: Наука, 2005. С. 449–481.

Брагинская Н. В. Имагинация — интуиция — инспирация: Я. Э. Голосовкер и гносеология воображения // Яков Эммануилович Голосовкер / под ред. Е. Б. Рашковского; сост. Е. Б. Рашковский, Н. В. Брагинской. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 57–116.

Голосовкер Я. Э. Достоевский и Кант. Размышление читателя над романом «Братья Карамазовы» и трактатом Канта «Критика чистого разума». М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 105 с.

Голосовкер Я. Э. Избранное. Логика мифа. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2010. 496 с.

Гудзий Н. К. От редактора // Голосовкер Я. Э. Достоевский и Кант. Размышление читателя над романом «Братья Карамазовы» и трактатом Канта «Критика чистого разума». М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 3–4.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972–1990. 30 т.

Кант И. Сочинения: в 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 3: Критика чистого разума. 741 с.

Морозов Д. А. Два взгляда на поэзию Гельдерлина: М. Хайдеггер и Я. Э. Голосовкер // Философский журнал. 2020. Т. 13, № 2. С. 97–113.

Морозов Д. А. Проект имагинативной философии Я. Э. Голосовкера: реконструкция и осмысление (магистерская диссертация). М.: НИУ ВШЭ, 2021. 144 с.

Ознобкина Е. В. Книга для всех и ни для кого // Яков Эммануилович Голосовкер / под ред. Е. Б. Рашковского; сост. Е. Б. Рашковский, Н. В. Брагинской. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 227–231.

Рашковский Е. Б. Сиверцев М. А. Проблема «культурной имагинации» в трудах Я. Э. Голосовкера // Яков Эммануилович Голосовкер / под ред. Е. Б. Рашковского; сост. Е. Б. Рашковский, Н. В. Брагинской. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 212–227.

Философия мифа Якова Голосовкера (материалы «круглого стола») // Яков Эммануилович Голосовкер // под ред. Е. Б. Рашковского; сост. Е. Б. Рашковский, Н. В. Брагинской. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 232–277.

Флоренский П. А. Космологические антиномии Иммануила Канта // Сочинения: в 4 т. / сост. и общ. ред. игумена Андроника (А. С. Трубачева), П. В. Флоренского, М. С. Трубачева. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 3–33.

Флоренский П. А. Сочинения: в 2 т. М.: Правда, 1990. Т. 1: Столп и утверждение истины. 490 с.

Шмидт С. О. О Якобе Голосовкере // Яков Эммануилович Голосовкер / под ред. Е. Б. Рашковского; сост. Е. Б. Рашковский, Н. В. Брагинской. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 41–56.

Fleischhauer I. Jakov Emmanuilovic Golosovker und sein Ort in der russisch-sowjetischen Kant-Interpretation // Kant-Studien. 1979. Vol. LXX, № 1. S. 66–84.

References

Akhutin, A.V. (2005) ‘Sofiya i chert (Kant pered litsom russkoi religioznoi metafiziki)’ [‘Sofia and the Devil (Kant in the Face of Russian Religious Metaphysics)’], in Akhutin, A.V. *Povorotnye vremena [Turning Times]*. St. Petersburg: Nauka Publ., pp. 449–481.

Braginskaya, N.V. (2017) ‘Imaginatsiya — intuitsiya — inspiratsiya: Ya.E. Golosovker i gnoseologiya voobrazheniya’ [‘Imaginatio — Intuition — Inspiration: Ya.E. Golosovker and the Gnoseology of Imagination’], in Rashkovskii, E.B. (ed.) *Yakov Emmanuilovich Golosovker*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, pp. 57–116.

Dostoevskii, F.M. (1972–1990) *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh [Complete Works: in 30 vols]* (30 vols). Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie.

‘Filosofiya mifa Yakova Golosovkera (materialy “kruglogo stola”)’ [“Philosophy of Myth” of Yakov Golosovker (Materials of the “Round Table”)] (2017), in Rashkovskii, E.B. (ed.) *Yakov Emmanuilovich Golosovker*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, pp. 232–277.

Fleischhauer, I. (1979) ‘Jakov Emmanuilovic Golosovker und Sein Ort in der Russisch-Sowjetischen Kant-Interpretation’, *Kant-Studien*, LXX(1), ss. 66–84.

Florenskii, P.A. (1990) *Sochineniya: v 2 tomakh. Tom 1: Stolp i utverzhdienie istiny [Works: in 2 vols. Vol. 1: The Pillar and the Ground of Truth]*. Moscow: Pravda Publ.

Florenskii, P.A. (1996) ‘Kosmologicheskie antinomii Immanuila Kanta’ [‘Cosmological Antinomies of Immanuel Kant’], in Florenskii, P.A. *Sochineniya: v 4 tomakh. Tom 2 [Works: in 4 vols. Vol. 2]*. Edited by Andronik (Trubachev, A.S), hegumen, Florenskii, P.V. and Trubachev, M.S. Moscow: Mysl’ Publ., pp. 3–33.

Golosovker, Ya.E. (1963) *Dostoevskii i Kant. Razmyshlenie chitatelya nad romanom “Brat’ya Karamazovy” i traktatom Kanta “Kritika chistogo razuma” [Dostoevsky and Kant. The Reader’s Reflection on “The Karamazov Brothers” and Kant’s Treatise “Critique of Pure Reason”]*. Moscow: Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR [The USSR Academy of Sciences Publ.].

Golosovker, Ya.E. (2010) *Izbrannoe. Logika mifa [Selected Works. The Logic of Myth]*. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.

Gudzii, N.K. (1963) ‘Ot redaktora’ [‘From the Editor’], in Golosovker, Ya.E. *Dostoevskii i Kant. Razmyshlenie chitatelya nad romanom “Brat’ya Karamazovy” i traktatom*

Kanta “Kritika chistogo razuma” [Dostoevsky and Kant. *The Reader’s Reflection on “The Karamazov Brothers” and Kant’s Treatise “Critique of Pure Reason”*]. Moscow: Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR [The USSR Academy of Sciences Publ.], pp. 3–4.

Kant, I. (1994) *Sochineniya: v 8 tomakh. Tom 3: Kritika chistogo razuma* [Works: in 8 vols. Vol. 3: *Kritik der Reinen Vernunft*]. Moscow: Choro.

Morozov, D.A. (2020) ‘Dva vzglyada na poeziyu Gel’dertlina: M. Khaidegger i Ya.E. Golosovker’ [‘Two Views on the Poetry of F. Hölderlin: M. Heidegger and Ya.E. Golosovker’], *Filosofskii zhurnal* [The Philosophy Journal], 13(2), pp. 97–113.

Morozov, D.A. (2021) *Proekt imaginativnoi filosofii Ya.E. Golosovkera: rekonstruktsiya i osmyslenie (magisterskaya dissertatsiya)* [The Project of Imaginative Philosophy of Ya.E. Golosovker: Reconstruction and Conceptualization (Magister Dissertation)]. Moscow: HSE University.

Oznobkina, E.V. (2017) ‘Kniga dlya vsekh i ni dlya kogo’ [‘The Book for Everyone and for No One’], in Rashkovskii, E.B. (ed.) *Yakov Emmanuilovich Golosovker*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, pp. 227–231.

Rashkovskii, E.B. and Sivertsev, M.A. (2017) ‘Problema “kul’turnoi imaginatsii” v trudakh Ya.E. Golosovkera’ [‘The Problem of “Cultural Imagination” in the Works of Ya.E. Golosovker’], in Rashkovskii, E.B. (ed.) *Yakov Emmanuilovich Golosovker*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, pp. 212–227.

Schmidt S.O. (2017) ‘O Jakobe Golosovkere’ [‘About Jacob Golosovker Yakov Emmanuilovich’], in Rashkovskii, E.B. (ed.) *Yakov Emmanuilovich Golosovker*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, pp. 41–56.

Информация об авторе: Д. А. Морозов — стажер-исследователь Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4.

Information about the author: D. A. Morozov — Research Assistant at the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.08.2021;
одобрена после рецензирования 01.09.2021;
принята к публикации 10.09.2021.

The article was submitted 15.08.2021;
approved after reviewing 01.09.2021;
accepted for publication 10.09.2021.